

КРУШЕНИЕ НЕБЕС

(АВИОНЕРЫ-2)

ГЛАВА 1

Ника всегда внимательно слушала лекции по ведению воздушного боя, наизусть выучила схемы и анализ исторических воздушных боев прошлого и получала высшие баллы за моделирование тактики боя на семинарах. Но стоило ей оказаться за штурвалом авиона, увидеть впереди авиолеты врага и понять, что она — одна и рядом нет никого более умелого и опытного вроде Тристана, как вся теория разом вылетела из головы. Теперь предстояло не только самостоятельно принимать решения и воплощать их в жизнь, но и делать это очень и очень быстро: в воздушном бою дорога каждая секунда.

— Осторожней! — испуганно вскрикнула Ванесса, показывая рукой куда-то вправо, и Ника, бросив в ту сторону быстрый взгляд, с ужасом увидела, что совсем рядом с ней набирает высоту другой авион. И если девушка немедленно не скорректирует траекторию взлета, то они рискуют столкнуться!

Ника резко повела штурвалом влево, и в ту же секунду ее прошиб холодный пот: ведь она не проверила, куда направляет «Грозу»! А если бы там оказался другой авион? Да уж, взлетать на практических занятиях на собственной полосе, не беспокоясь о том, как бы не задеть кого-то другого, было куда приятнее...

«Все пошло не так, — думала Ника, поднимая «Грозу» все выше и выше в небо, туда, где она сможет почувствовать себя в безопасности. — Первый раз должен был стать совсем не таким!»

Ника много раз представляла свой самый первый самостоятельный полет и предвкушала ощущения. Конечно, в одиночку управлять огромным авионом — это огромная ответственность, но в то же время и невероятный

восторг! Ника была уверена, что это очень волнительное и в то же время восхитительное чувство она запомнит на всю жизнь.

По старой школьной традиции лучшие ученицы самостоятельно поднимались в воздух в начале весны. К концу весны первый раз в одиночку вылетали те, кто показал средние результаты, и, наконец, в середине лета этой чести удостаивались отстающие.

Ника не сомневалась, что окажется в числе первых, и давно настроилась на совсем скорый самостоятельный полет.

А вот о своем первом воздушном бое Ника раньше не думала. Честно признаться, мысль о нем скорее пугала. Единственное, о чем девушка иногда размышляла, так это о том, что после окончания школы у нее будет год обязательной летной практики, после которой, когда Нике исполнится восемнадцать лет, ее, вероятнее всего, отправят на мыс Горн. Но до восемнадцати оставалось почти два года, а это уйма времени!

Да, мечтать о первом самостоятельном полете было куда приятнее, чем представлять свой первый воздушный бой. И как обычно, жизнь внесла коррективы: первый полет вовсе не стал тем праздником, который представлялся Нике, и случился гораздо раньше, чем она рассчитывала. Да еще и совпал с первым воздушным боем, а к нему, надо признаться, девушка была совершенно не готова.

Ника стискивала штурвал так крепко, словно это был спасательный круг, и поднимала «Грозу» все выше и выше, освобождая пространство для взлетающих вслед за ней авионов. Сейчас высота казалась самым безопасным решением — там и авионов меньше, и вражеские авиолеты останутся внизу.

Действительно, вскоре перед Никой открылась картина, поразившая ее до такой степени, что на несколько мгновений она просто перестала дышать.

«Так вот что это такое — мыс Горн», — ошеломленно выдохнула девушка. Впереди высилась плотная стена тех самых постоянных циклонов, которые непреодолимым барьером разделяли Арамантиду и Третий

континент. Она представляла собой гигантский массив плотных туч, простирающийся вдаль и вширь насколько мог охватить взгляд. Внутри них бушевали яростные ветра, гремел гром и непрерывно сверкали молнии.

А прямо перед Никой, будто прорубленный неким гигантским топором, лежал ровный «коридор» всего в несколько сотен футов шириной. В глубине правой стены коридора переплелись в смертельной пляске вихри смерчей, левую же, покрытую обманчиво-прозрачной дымкой тумана, то и дело сверху донизу разрезали массивные всполохи молний.

Невольно мелькнула мысль, какая смерть предпочтительнее: если авион сомнет смерч или если в него ударит яркий разряд?

Именно здесь, между смертельно опасными стенами этого страшного «коридора», и сталкивались авионы Арамантиды и авиолеты Третьего континента, яростно сражались друг с другом — и одновременно старались не попасть в ловушку мощных стихий.

С трудом отведя глаза от этого пугающего, но такого завораживающего зрелища, Ника переключила внимание на раскинувшуюся перед ней картину боя.

На первый взгляд казалось, что в небе царит полный хаос и неразбериха. Но вскоре Ника поняла, что это не так и что в действиях авионер и авиолетчиков прослеживалась довольно четкая система.

Большая группа летных машин Арамантиды расположилась ближе к началу коридора и летной базе, образовала широкий оборонительный круг; авионы летели четко друг за другом, нос в хвост, и вклиниться в этот круг было бы самоубийством для противника. При приближении вражеского авиолета авионы открывали плотную стрельбу, не нарушая при этом строгой траектории своего движения. На глазах Ники два авиолета противника попали под этот огонь и сейчас безжизненными грудями дерева и металла падали на землю.

Другая группа авионов держалась заметно выше. Время от времени одна из летных машин пикировала вниз, на вражеские авиолеты. Практически

каждый раз такая атака завершалась успехом, наглядно демонстрируя, как же верна прописная истина, которую каждый день твердили ученицам в летной школе: лучшая воздушная атака — это нападение сверху.

Видя слаженные действия воздушных сил Империи, Ника не на шутку растерялась. У каждой эскадрильи мыса Горн был свой план действий, своя давно отработанная тактика, а у каждой авионеры — четкое место в давно продуманной схеме. Ника же не представляла, что ей делать: вклиниться в оборонительный круг или же пристроиться к атакующим звеньям, что держатся выше? А может, лучше всего было просто держаться подальше и не мешать?

Последняя мысль казалась самой соблазнительной. Да вот только Ника поднялась в воздух вовсе не для того, чтобы болтаться в сторонке! В воздухе сновали десятки и десятки авиолетов Третьего континента, а издалека медленно, но неумолимо приближались громады вражеских зепеллинов, и не нужно было объяснять, как важно для мыса Горн отбить эту атаку. Нет уж, Ника училась летать, чтобы внести свой вклад в общее дело, и прятаться за чужими спинами она не будет!

Дело за малым: решить, как именно она может помочь. Ника просто не представляла, с чего начать. Да что там, она даже не могла с ходу понять, где тут враг, а где — свой! Да, конечно, авиолеты внешне отличались от авионов, но на такой скорости, да еще и в постоянном напряжении и ожидании атаки, мгновенно, с первого взгляда определить, авиолет это или авион, у Ники не получалось.

Внезапно снаружи раздался гулкой стук, словно по «Грозе» прошли крупные капли дождя или град. Девушка не сразу поняла, что это на самом деле такое. Лишь несколько долгих мгновений спустя до нее дошло: это были пули. Кто-то ее обстреливал!

И вот тогда ее охватил первобытный, всепоглощающий страх. Нестерпимо хотелось зажмурить глаза, закрыть уши руками, сжаться в комочек, как в детстве, когда Нику пугали воображаемые чудовища,

прячущиеся в темных углах спальни, и отчаянно надеяться, что монстры вот-вот исчезнут. И позвать отца, чтобы он пришел и всех их прогнал...

Только авиолеты Третьего континента не пропадут, сколько ни зажмуривайся. И отец не сможет их прогнать. Наоборот, теперь это ее работа — защищать и его, и всех жителей Арамантиды. И вообще не дело это — бояться и убегать, когда ты за штурвалом самого мощного авиона Империи.

Ника сжала зубы — и сумела взять страх под контроль.

«Если тебя атакуют сзади, уходи в вираж, — повторяли им на занятиях по тактике воздушного боя. — Противник не успеет среагировать с той же скоростью и пролетит мимо».

Именно это Ника сейчас и сделала и, выводя «Грозу» обратно в горизонталь, увидела, как чуть ниже пронесся атаковавший ее вражеский авиолет.

— Делай «ножницы», — вдруг сказала Ванесса, сидевшая в соседнем кресле.

— Что? — не поняла Ника.

— Делай «ножницы»! Тогда ты сможешь в него стрелять!

«А ведь она права!» — подумала Ника. После выполнения «ножниц» авиолет окажется у нее прямо в прицеле; на уроках эту тактику им тоже объясняли. Интересно, откуда про нее известно Ванессе?

Через несколько мгновений авиолет оказался прямо впереди. Можно стрелять.

Ника замешкалась. Где-то тут, совсем рядом со штурвалом, был пулеметный рычаг. Они с Тристаном ни разу его не пробовали...

— Это поможет, — подсказал Ансель, нажимая на какую-то кнопку, и перед Никой появилась прицельная сетка, похожая на те, которые использовались на тренировках на стрельбище.

Только вот на стрельбище мишени были неподвижными. И даже в них Ника попадала не особенно точно. А уж сейчас, во время полета, когда

вражеский авиолет не задерживался в рамках прицельной сетки дольше, чем на какую-то жалкую секунду...

«А, была не была!» — махнула про себя рукой Ника, и ее указательный палец надавил на рычаг.

Авиолет впереди начал отчаянно вилять из стороны в сторону, стремясь уйти из-под обстрела, но Ника упорно повторяла его маневры и не выпускала из прицела. И не прекращала стрелять.

Впрочем, долгой атаки не получилось; навстречу Нике, держась строгим строем, похожим на наконечник стрелы, уже летело с полдюжины вражеских авиолетов.

«Гроза» была быстрее и мощнее, но даже более слабый противник мог взять числом.

Пока Ника прикидывала, как ей лучше поступить, ровный строй авиолетов, войдя в зону досягаемости оружия, неожиданно рассыпался во все стороны...

— Они пытаются нас окружить, — спокойным голосом заметила Ванесса. — Судя по маркировке, это авиолеты Фиолина, а у них не лучшая групповая маневренность.

У Ники не было времени удивляться познаниям Ванессы, а та вдруг уверенным тоном приказала:

— Делай «волну» с выходом в пикирование — и открывай огонь.

Ощущая вновь подступающую панику, Ника с радостью ухватилась за подсказку. Стараясь не думать о том, сколько вражеских авиолетчиков в этот момент стремятся поймать ее авион в прицельные сетки, девушка полностью сосредоточилась на выполнении летных фигур.

Но прежде чем она начала подъем авиона в «волну», сразу несколько пуль попали в лобовое стекло, и оно треснуло.

Что-то обожгло щеку. Ника не знала, пуля это или осколок, но это было неважно. Не смертельно — и ладно.

Только подняв «Грозу» на пик «волны», Ника поняла, что Ванесса предложила наиболее оптимальный в такой ситуации вариант действий; это была идеальная позиция для атаки сразу большой группы противника. А еще Ника осознала, что полностью отвесное пикирование они с Тристаном еще ни разу не делали.

Разумеется, Ника знала теорию пикирования, но, как оказалось, перенести ее вот так, с ходу, на практику с первой попытки крайне сложно. Ей это не удалось; вместо отвесного пикирование пошло по наклонной.

— Корректируй траекторию на тридцать градусов и переходи в боевой разворот. Ты окажешься против солнца, и у тебя будет преимущество для стрельбы, — все тем же уверенным тоном распорядилась Ванесса.

И снова Ника и не подумала спорить. Успешно выполнив маневр, она как на ладони увидела перед собой вражеские авиолеты, которым слепили в глаза закатные лучи, в то время как она все видела просто прекрасно.

Не дожидаясь подсказки Ванессы, Ника открыла огонь.

Авиолеты, хотя и потерявшие ее на несколько мгновений из вида, прекрасно поняли, что их атакуют, но вместо того, чтобы отступить, быстро сориентировались и помчались к «Грозе».

— «Свечку», — скомандовала Ванесса. — А из нее — «падающий лист».

— Держитесь, — сквозь зубы бросила Ника пассажирам и резко потянула штурвал на себя.

«Гроза» взмыла почти вертикально вверх, за считанные секунды оставив вражеские авиолеты далеко позади, а затем «падающим листом» пошла вниз.

И вновь картина боя открылась перед Никой как на ладони. Девушка увидела, как авиолеты, не ожидавшие того, что она уйдет у них прямо из-под носа, сейчас выделявали в воздухе дикие виражи, стремясь избежать столкновения. Двум это не удалось, и они грудой крупных обломков полетели к земле. Третий, то ли заглядевшись на то, что происходит с товарищами, то ли почему-то потеряв управление, на всей скорости влетел в «стену молний»

— и исчез, поглощенный яркой вспышкой света. Оставшиеся авиолеты старались выровнять курс.

Но Ника не собиралась облегчать им задачу. Сейчас, когда она благополучно выполнила и высокую «свечку», и весьма непростой «падающий лист», ее охватил настоящий азарт. Нике казалось, что сейчас ей все по плечу!

Девушка выровняла «Грозу» так, чтобы в прицельной сетке оказался один из авиолетов, и тут Ванесса сказала:

— Делай «качели». Так ты в два раза увеличишь площадь обстрела.

И снова Ника удивилась хладнокровию и своевременности подсказок Ванессы. Обстрел с «качелей» был менее эффективен с точки зрения точности, но зато имел куда больший охват. А ее целью сейчас было не столько сбить противников, сколько разогнать их.

Ника нажала на пулеметный рычаг — и больше не отпускала.

Спустя, казалось, целую вечность нападавшие на нее авиолеты развернулись и, признав поражение, устремились обратно в сторону Третьего континента.

Ника выдохнула. Занятая собственным боем, она понятия не имела, что происходило в других местах.

Подняв «Грозу» чуть выше, девушка огляделась и поняла, что авионеры остановили атаку на мыс Горн; сломленные вражеские авиолеты улепетывали к поджидавшим их вдали зепеллинам и один за другим садились на их палубы, а сами медлительные летучие громадины неторопливо разворачивались в сторону Третьего континента.

Нику охватило ликование. Враг отступал!

Несколько авионов преследовали отставшие авиолеты, но Ника к ним не присоединилась. Хватит с нее на сегодня. Атака Третьего континента остановлена, и это главное.

А еще она провела свой первый самостоятельный полет.

И первый воздушный бой.

И не погибла.

* * *

Агата плохо помнила, как они вышли из отделения полиции, как дошли по спрятанного в подворотне мобилы и куда-то долго на нем ехали. Все было как в тумане, а страх, стиснувший сердце после того, как агенты Третьего континента хладнокровно застрелили своих же, все никак не разжимал хватку.

Никогда прежде Агата не видела, как убивают людей. Теоретически она и сейчас этого не видела. Но звуки выстрелов заставили воображение нарисовать в чем-то даже еще более страшную картину, чем если бы она видела все произошедшее воочию.

В голове крутилась лишь одна мысль: ей удалось избежать обращения в монкула, но как спастись сейчас, когда она оказалась в руках агентов Третьего континента? Пока они думают, что девушка одна из них, она в безопасности. Но как только выяснится, что это не так, ничего хорошего ее не ждет; вряд ли они оставят в живых ненужного свидетеля.

А правда так или иначе скоро откроется. Агата не сумеет убедительно сыграть роль шпионки, ее с легкостью раскусят, ведь она ничего не знает не только об агентурной сети, но и о Третьем континенте, откуда она, согласно легенде, родом. Наверняка очень скоро девушка проколется на какой-то несущественной мелочи...

Оставался один выход — бежать. Но как? Агата бросила быстрый взгляд на сопровождающих. В тесной кабине мобилы вместе с ней сидело двое взрослых мужчин и один юноша лет двадцати. Открыть дверь на ходу и выскочить не получится. Значит, немедленный побег откладывается.

Агата глубоко вдохнула и попыталась расслабиться, насколько это было возможно в подобной ситуации. Наверняка удобный момент для побега еще

подвернется, надо только его не упустить. И по возможности подготовиться. Для начала хотя бы понять, куда же они едут.

Впрочем, когда мобиль притормозил у низкой чугунной ограды и Агата увидела возвышающийся за ней ржавый остов огромного колеса обозрения, она тут же поняла, куда ее привезли. Это был заброшенный парк аттракционов, который теперь называли не иначе как «парк Ржавых Каруселей». Агата как-то раз проезжала мимо него на конке и сразу поняла, откуда пошло это название. Парк и впрямь был *ржавым* — заржавевшие карусели с лошадками, покрытые рыжеватым налетом качели, ржавое колесо обозрения, ржавый навес над тиром. Даже несколько высохших, похожих на скелеты деревьев, и те казались покрытыми ржавчиной. На бортах качелей кое-где остались ошметки яркой краски, на некоторых фигурках лошадок тут и там проглядывали цветные полосы, под навесом бывшего тира болтались на ветру лохмотья разноцветных флажков, напоминая о лучших днях, которые знавал парк. И над всеми этими останками былого процветания витала атмосфера мрачного, угрюмого запустения.

Одна из коллег Агаты в «Столичном экспрессе» как-то написала репортаж о том, что в парке Ржавых Каруселей по ночам иногда можно заметить отблески огней и какое-то движение, и утверждала, что там обитают привидения. Что ж, кажется, теперь Агата понимала, что за «привидения» здесь обитают.

Молчаливые агенты Третьего континента заехали на территорию заброшенного парка и оставили мобиль позади неказистого двухэтажного домика. Судя по обшарпанной вывеске над входом в форме торта, когда-то здесь была кондитерская, где всласть накатавшиеся на каруселях дети с удовольствием лопали пирожные.

Агенты зашли внутрь и сразу поднялись на второй этаж. Под потолком с тихим шипением зажглась газовая лампа, выхватила из темноты небольшой камин в углу и стол в центре. Одну стену от пола до потолка покрывали газетные вырезки, списки, схемы и чертежи. На протянутых через всю

комнату веревках сушились, прицепленные бельевыми прищепками, проявленные фотограммы. В дальнем углу комнаты стоял изящный секретер из красного дерева, а на нем — телеграфный аппарат. Пахло табаком, сапожным кремом и химическими реактивами — вероятно, из ванночек, в которых проявляли фотограммы.

Все окна были плотно завешены шторами, чтобы снаружи никто не увидел свет.

Агату охватила невольная дрожь. Девушка прекрасно понимала, что имеет дело с вражескими агентами, но сейчас, когда она оказалась в их штаб-квартире, это понимание словно перешло на новый уровень.

Накатившую панику остановить удалось с большим трудом. Но все же удалось; когда на кону стоит твоя жизнь, внезапно оказываешься способен на вещи, которые прежде казались невозможными.

«Я репортер на задании, — внушала Агата сама себе. — Мне выпала уникальная возможность проникнуть туда, куда прежде никому не удавалось попасть. Эти люди принимают меня за свою, поэтому если я сыграю по-умному, то наберу действительно сенсационный материал!»

Мысль о том, что репортаж преступницы в бегах будет тяжело куда-либо пристроить, Агата старательно от себя отогнала. И нехитрая уловка подействовала! Девушка несколько успокоилась и даже перестала чувствовать себя неловко из-за того, что потерянно стоит в центре комнаты и не знает, куда себя деть.

— Спасибо за помощь, — обратилась она к одному из мужчин; Агата запомнила, кто отдавал команды остальным, поэтому обоснованно решила, что именно он и есть главарь.

Мужчине было за тридцать. Среднего роста, худощавый, в аккуратной, но неприметной одежде, он легко мог затеряться в толпе, и ничто в его внешности не привлекало к себе внимания. Только рассмотрев мужчину внимательнее, Агата заметила, что короткая стрижка маскирует кудрявые

волосы, что глаза у него — необычного зеленого оттенка и что правое веко немного опущено.

В тюрьме этот мужчина показался Агате огромным и смертельно опасным. Сейчас девушка видела, что никакой он не огромный, но вот ощущение опасности никуда не делось.

— Значит, ты агент зуру? — ответил главарь вместо «пожалуйста», подтянул к себе свободный стул, поставил его напротив Агаты и уселся, точнее даже, развалился на нем, широко расставив ноги.

Девушка невольно напряглась от этой вульгарной позы. Благовоспитанные джентльмены Арамантиды никогда так не сидели, этикет предписывал, чтобы они плотно сдвигали колени.

Двое других агентов держались поодаль, в тени, но Агата не сомневалась, что они внимательно за ней наблюдают и прислушиваются к каждому слову.

— Да, — подтвердила девушка и замолчала, ожидая следующего вопроса.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил мужчина.

Агата торопливо вызвала в памяти опухшее, изуродованное кровоподтеками лицо девушки в камере. Сколько ей было?

— Девятнадцать, — ответила она, решив, что, хотя по избитому лицу трудно судить, девушка была лишь на пару лет старше нее.

Главарь скептически изогнул бровь и окинул Агату недоверчивым взглядом.

— А выглядишь ненамного старше моей дочери, — заметил он.

«У него есть дочь?» — поразилась Агата — и сама тут же усмехнулась своему удивлению. Да, говоря о шпионах, в последнюю очередь думаешь о том, что у них могут быть дети. А ведь, не считая профессии, шпионы — такие же люди, как и остальные, а значит, заводят семьи.

Главарь по-прежнему молчал, и Агата, скрестив руки на груди, тоже молчала; она не собиралась оправдываться за свой возраст.

— Агенты твоего уровня редко попадают, — наконец заметил главарь.

— Так вышло, — небрежно пожала плечами девушка.

— Как тебя зовут?

— Агата, — ответила она, решив, что если можно сказать правду, лучше так и делать, тогда будет меньше шансов запутаться в собственном вранье.

— Давно на задании? — продолжил мужчина, и не подумав представить в ответ.

— Смотря о каком задании идет речь.

— Как насчет того, из-за которого тебя едва не превратили в монкула?

— Несколько месяцев.

— На чем прокололась?

— Я не прокололась. После недавних беспорядков в Сирионе Жандармерия прошла по всему Министерству полетов и рыла намного глубже, чем обычно. Проверяла всех подряд, от уборщиков до заместительниц министров. Моя легенда была хороша, но не настолько, чтобы выдержать такую проверку.

Мужчина неторопливо рассматривал Агату, и девушка с трудом заставляла себя оставаться на месте и выглядеть спокойной.

— Что у тебя было за задание? — наконец спросил он. — И кто твой контакт с центром?

— Я не имею права разглашать эту информацию, — заявила Агата с уверенностью, которой совершенно не испытывала. — Вы же наверняка знаете, какие строгие правила конспирации у агентов зуру, — наугад добавила она.

Мужчина начал раздражаться.

— Может, все-таки расскажешь хоть что-нибудь? Хотя бы в самых общих чертах. А то я начинаю гадать, не самозванка ли ты... или и вовсе агент Гардинарии.

— Я назвала позывной, по которому вы меня опознали, не так ли? — холодно осведомилась Агата, старательно скрывая возникшую панику.

— Гардинария вполне могла выпытать его у одного из наших агентов.

— А вы убили агентов в соседней камере; это тоже можно рассматривать как то, что вы работаете на Арамантиду, — парировала Агата.

Несколько долгих мгновений мужчина сверлил Агату пронзительным взглядом, а упрямая девушка, не сдаваясь, смотрела на него в ответ и ни на миг не отводила глаз. Затем главарь поднялся, выбросил сигарету и подошел к ней. Слишком близко по правилам этикета Арамантиды; Агата едва сдержалась, чтобы не отпрянуть.

— Те агенты... Это была необходимость. Предатели и так слишком много разболтали, а могли выдать еще больше.

Ожил и деловито застучал телеграфный аппарат. Из теней в углу комнаты появился юноша, потянул за кончик выползающей из недр механизма узкой бумажной ленты и начал читать появляющийся текст. Когда аппарат замолк, он оторвал полоску бумаги и передал ее главарю.

Тот быстро просмотрел сообщение, а затем протянул бумажную ленту Агате:

— Тебе стоит это увидеть.

Девушка послушно взяла телеграфное сообщение и увидела бессмысленный набор букв. «Шифр», — тут же поняла она. Шифр, который, вероятно, должен был знать каждый агент Третьего континента.

Что же там написано и как ей на это реагировать?

— Ну и что там? — полюбопытствовал присоединившийся к ним третий мужчина. Очень привлекательный джентльмен, чего Агата просто не смогла не отметить, хотя сейчас ей было совсем не до того. Тем временем мужчина, не церемонясь, заглянул ей через плечо и начал читать вслух: — «Агент зуру, позывной — Санна, задание — Конструкторская, прикрытие — механикера. Арестована Жандармерией после волнений в столице».

Чувствуя себя бесконечно благодарной этому красивому джентльмену, решившему прочесть сообщение вслух, Агата незаметно перевела дух.

В зеленых глазах главаря появилось что-то похожее на уважение. Он отдал обрывок ленты юноше, отступил на шаг, увеличивая дистанцию между собой и Агатой, и, слегка кивнув, представился:

— Сегрин.

— Очень приятно, — машинально ответила Агата и тут же совершила серьезную ошибку: не раздумывая, привычно, как делала при любом знакомстве, протянула руку для формального поцелуя.

Взрыв хохота заставил девушку вздрогнуть.

— А она хорошо вжилась в роль! — проговорил сквозь смех красивый джентльмен. — Я почти готов поверить, что она родилась и выросла в Арамантиде! Нет, вы это видели?

— Видели, Милорд, видели, — смеясь, кивнул юноша. У него был орлиный нос, серые глаза, очень светлые волосы и широкие, неожиданно темные брови. — Не удивлюсь, что, когда она вернется обратно домой, ей придется заново учиться, как положено себя вести.

Обсуждение девушки в третьем лице, так, словно она не присутствовала и не слышала их разговор, задело и возмутило Агату — даже несмотря на то, что она не на шутку испугалась, сообразив, какую допустила оплошность, протянув руку для поцелуя, словно обычная жительница Арамантиды.

Сегрин, однако, не рассмеялся. Более того, взял Агату за руку, хотя та, запаниковав, и попыталась ее вырвать, и приложился к ладони коротким поцелуем.

И смех тут же утих.

А Сегрин, отпустив руку девушки, скользнул жестким взглядом по товарищам.

— Вот поэтому она — агент зуру, а вы — рядовые агенты, — произнес он. — Если работаешь под прикрытием, выдуманная личина должна стать настоящей. И ты никогда ее не снимаешь — ни с соратниками, которые знают, кто ты на самом деле, ни даже наедине с самим собой, когда тебя

никто больше не видит. Если же позволяешь себе маленькие поблажки, можешь быть уверен, что рано или поздно ты себя выдашь.

— Я могу хоть круглые сутки притворяться бесхребетным джентльменом Арамантиды, но стать агентом зуру мне это не поможет, ведь в них берут только женщин, — заметил юноша.

— Это ты так думаешь, Кирби, — отрезал Сегрин.

Юноша замолчал, явно сбитый с толку.

— Тем не менее, нам надо решить, что с тобой делать, — продолжил главарь, обращаясь к Агате. — Будешь связываться с центром?

Агата промолчала. Она просто не знала, что ответить.

— Ладно, — по-своему понял ее Сегрин. — Не хочешь говорить — не говори. Но я в любом случае обязан доложить о тебе нашему шефу, и пусть уже начальство само решает. А до тех пор...

Агата насторожилась.

— А до тех пор ты остаешься с нами.